

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-160-169>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. В. В. Курьянова
г. Симферополь, Россия

ТОЛСТОВСКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ-ОБЭРИУТОВ

Аннотация: Рассматриваются вопросы выявления и анализа толстовского текста в произведениях представителей творческой группы поэтов «ОБЭРИУ». Новизна исследования заключается в том, что изучение сверхтекстовых структур в современном литературоведении прежде всего сосредоточено на топосных текстах, в то время как именные тексты (пушкинский, гоголевский, чеховский) исследованы мало, и методология изучения их неясна. В статье утверждается, что основой толстовского текста является миф о Л. Н. Толстом. Анализируется структура толстовского мифа в творчестве Д. Хармса, Н. Заболоцкого, К. Вагинова и др., выявляются мифологемы (мифологизированные константные представления), созданные и воспроизведенные поэтами. Для этого анализируются стихотворения и проза поэтов-обэриутов и их последователей. Несмотря на близость творческого мышления поэтов данной группы, в интерпретации толстовского мифа заметны значительные различия. Так, в произведениях Д. Хармса миф о Льве Толстом носит радикально профанный характер, в то время как в творчестве Н. Заболоцкого реализован канонизирующий вектор биографического мифа великого русского писателя. К. Вагинов же интересуется прежде всего мифологема опрощения Л. Н. Толстого, популярная в начале XX в. в связи с призывом писателя отказаться от излишеств. В основу толстовского текста произведений данной группы поэтов положен биографический миф сакрального и демифологизирующего направлений.

Ключевые слова: сверхтекст, толстовский текст, миф о Л. Н. Толстом, русская литература XX в., ОБЭРИУ, Д. Хармс, Н. Заболоцкий, К. Вагинов.

Информация об авторе: Валерия Викторовна Курьянова — кандидат филологических наук, доцент, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ул. Вернадского, д. 4, 295007 г. Симферополь, Республика Крым. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-1926>. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

Дата поступления статьи: 20.06.2019

Дата публикации: 28.09.2020

Для цитирования: Курьянова В. В. Толстовский текст в творчестве поэтов-обэриутов // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 160–169. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-160-169>

Значимость биографии писателя, несомненно, важна для читательского восприятия и осмысления его литературного наследия. Эту проблему решали и решают по-разному и порой с диаметрально противоположных позиций. Одни полностью от-

гораживают биографического автора от автора-творца. Другие видят только взаимосвязь художественного мира автора с его эмпирическим миром, опираясь на понятие интерсубъектности. Наконец, третьи утверждают нераздельность биографии писателя с созданным им художественным произведением.

Г. О. Винокур в работе «Биография и культура» подчеркивает значимость сведений о жизни писателя или поэта: «Иной раз самое величие и великолепие сотворенного намеренно подчеркивается только для того, чтобы еще более оттенить этим значительность и особую, самостоятельную ценность того, что в качестве “прожитого” противоплагается “сделанному”. Таков Гете. Мерк говорил о нем: то, что он “прожил” — еще более красиво, чем то, что он написал» [2, с. 18]. Личность писателя для исследователя может даже затмить самоценность его творческого наследия. Далее Винокур с отсылкой на Эдуарда Шпрангера говорит о некоем типе людей, которые могут сделать произведение искусства из собственной жизни [2, с. 19].

Не каждый автор-творец столь интересен читателю, что его человеческий и писательский облик мифологизируется поколениями потомков более, чем его творчество. Нужно быть художественным, нравственным, религиозным и т. п. авторитетом, чтобы вызвать такой интерес. Так было с Гомером, Шекспиром, отчасти с Данте и, может быть, с Руссо. В русской культуре так было с Пушкиным, в какой-то мере с Лермонтовым и Гоголем, но абсолютно безусловно со Львом Толстым. Широкомасштабный и многоаспектный интерес к личности Л. Н. Толстого появляется при его жизни и продолжается на протяжении всего XX в., не исчезая (а может быть, и усиливаясь в новых формах и с новыми акцентами) в веке XXI. Образ Льва Толстого активно интерпретируется в произведениях писателей и поэтов, воссоздавая «мифологизированные константные представления» [5, с. 29–30], знакомые и понятные читателю любого уровня подготовки.

О своем понимании толстовского текста мы уже писали, поэтому отсылаем читателя к нашей статье [7, с. 181–182]. Толстовский миф в качестве мифологизированного константного представления, сформированного как в воспроизводящем, так и в воспринимаящем сознании, ложится в основу именного толстовского свертхтекста.

Цель исследования — показать, как проявляется толстовский миф и формирующийся толстовский текст в произведениях представителей творческой группы ОБЭРИУ.

Группа «Объединение реального искусства» (ОБЭРИУ) с момента своего формирования, своеобразно воспринимая и вновь беря на вооружение эстетическую доктрину футуристов, заявила об отказе от литературной традиции. Но если футуристы на место традиции ставили безудержное и ничем не ограниченное новаторство, отказ от старых форм и старого содержания, оставаясь при этом во многом в рамках воспроизведения жизни в формах самой жизни, хоть и причудливо трансформированных, то обэриуты видели в новаторстве полный отказ от жизнеспособности, заменяя его гротеском, алогизмом, абсурдом¹.

Понятно, что такая авангардная позиция неминуемо и быстро должна была привести обэриутов к ниспровержению традиционных авторитетов, как было до этого с футуристами, а затем с пролеткультами. И заключалось это прежде всего в свержении

¹ Правда, следует, видимо, оговориться, невольно оказавшись в ситуации терминологической путаницы, что гротеск, алогизм и абсурд для обэриутов тоже были выражением жизнеспособности. Именно абсурдность жизни они выражали литературным абсурдизмом. Мы же говорим о жизнеспособности в традиционном смысле.

«столпов» классической литературы, поскольку новая литературная традиция формировалась на основе полного отрицания старой. И можно понять, что первым среди ниспровергаемых авторитетов должен был оказаться Л. Н. Толстой (см.: [6, с. 181–182]) — самый великий современник для представителей «Объединения реального искусства», смерть которого для многих из них была воспоминанием детства. К тому же личность Толстого, находившегося в постоянном поиске, саморефлексии, исследовании процесса зарождения и последующего формирования собственных мыслей, чувств, настроений, ощущений, не могла не привлекать представителей авангардного движения, которые с истовым энтузиазмом ниспровергателей авторитетов ухватились именно за толстовскую открытость и откровенность.

Так, например, в творчестве Д. Хармса заметен именно такой, «ниспровергательский», интерес к Толстому. Его причины некоторые исследователи находят в личном отношении обэриута к великому писателю — и как к художнику, и как к личности.

Известно, что отец Хармса, И. П. Ювачев, сначала революционер-народоволец, приговоренный к смерти, замененной в конце концов 15-летней каторгой, отбывая наказание на Сахалине, отказался от революционных взглядов, увлекся религиозной литературой и начал писать духовные рассказы, избрав себе показательный псевдоним Миролюбов. А. П. Чехов во время своей поездки на Сахалин познакомился уже с начинающим православным писателем, история жизни которого легла в основу чеховской повести «Рассказ неизвестного человека» (1893). И. П. Ювачев в конце концов стал ярким поклонником Толстого, бывал в Ясной Поляне, состоял с Толстым в переписке. Понятно, что для Хармса великий писатель и мыслитель Л. Н. Толстой должен был стать «нравственным и литературным авторитетом, навязанным с детства» [8].

Было, по-видимому, и другое влияние, негативно воспринятое Хармсом. Безусловное почтение к Толстому и полное его принятие можно увидеть у идеолога обэриутского движения К. Туфанова. «На мое литературное развитие, — писал он, — в юности имели сильное влияние, кроме Лермонтова, еще и Тургенев, Л. Толстой, Фет и Тютчев, а после 1907 года — Эдгар По, Малларме, Вал. Брюсов и Бальмонт, Кант и Шопенгауэр» [11]. Именно Туфанову было суждено сыграть значительную роль в литературном становлении Хармса и других представителей ОБЭРИУ. Хармс уже испытывал серьезный интерес к заумному творчеству, так что туфановские идеи легли на подготовленную почву.

Но бунтарский характер Хармса не мог смириться с навязываемыми авторитетами. Это и заставило его отрицать Л. Н. Толстого и как писателя, и как личность, не смотря на атмосферу в семье и на пристрастия друзей-писателей.

Но и в отрицании у Хармса реализуется миф о Толстом как об одном из основных столпов русской литературы, которые можно высмеивать, над которыми можно зло иронизировать, но который все равно будет стоять, приобретая благодаря насмешке новые смыслы, раскрываясь новыми гранями и тем самым утверждаясь еще более в качестве неотъемлемых и основополагающих частей русского и мирового литературного процесса.

Впервые Толстой появляется в наполненном аллюзиями стихотворении Хармса «Сон двух черномазых дам» (1936), причем в нем, несмотря на авторский гротеск, между великим писателем и русской литературой поставлен знак равенства. Но, конечно, не всей литературой, а только прошлой, отрицаемой и уничтожаемой творцами нового времени. В стихотворении, как нам видится, подчеркнута наполненность жизни литературой и литературными событиями, причем и жизни реальной, и жизни иллюзорной,

каковой она является, к примеру, во сне. Поэтому у поэта подчеркнуто это состояние неопределенности нечеткостью выражения того, бодрствуют ли дамы или спят, сон ли то, что они видят, или явь:

Две дамы спят, а впрочем нет,
не спят они, а впрочем нет,
конечно спят и видят сон...

Дамы, представители старого мира (в новом мире дам нет, а есть товарищи), видят сон, в котором действуют представители нового мира — Иван, символическая фигура, традиционно представляющая народ, и вездесущий чиновник нового времени — управдом, которые оказываются напрямую связаны с дамами и друг с другом фигурой Толстого:

<...> и видят сон,
как будто в дверь вошел Иван,
а за Иваном управдом,
держа в руках Толстого том
«Война и мир», вторая часть...

Момент показательный, поскольку само наличие тома «Войны и мира» Л. Н. Толстого показывает и образованность современного автору человека, и внедренность сочинений писателя в повседневную жизнь.

Поэтому закономерно, что во сне черномазых дам (понятно, что былой лоск свой они в новой жизни потеряли, поэтому черномазые) управдом превращается (перевоплощается) в Толстого. Впрочем, непонятно, сон это или явь, в которой тоже постоянно присутствует фигура писателя, особенно заметно завоевавшая пространство новой жизни после своего 100-летия.

Но для автора понятно также, что Толстой — человек иной эпохи — не может изжить свои прежние привычки, не может обойтись без помощи Ваньки, которого новая жизнь сделала уже вовсе не Ванькой, но Иваном:

А впрочем нет, совсем не то,
вошел Толстой и снял пальто,
калоши снял и сапоги
и крикнул: Ванька, помоги!

И Ванька (Иван) помогает. Помогает изжить культуру старого мира, расчистить место для культуры мира нового, революционно сокрушив Толстого — главный символ уходящей русской литературы и, несомненно, символ прошлой барской жизни:

Тогда Иван схватил топор
и трах Толстого по башке.
Толстой упал. Какой позор!
И вся литература русская в ночном
горшке.

[13, т. 1, с. 282–283]

Как понятно, ночной горшок тут тоже не случаен. И он также является символом прошлой барской жизни. Поэтому смысл последней фразы не столько в том, что вся прежняя русская литература оказалась там же, где находятся нечистоты (это, конечно, так, но тут важно, что и нечистоты-то тоже барские, поскольку у крестьян ночных горшков не было), сколько в том, что она оказалась в замкнутом пространстве прошлой несвободной жизни, тогда как отказавшаяся от прежнего наследия новейшая русская литература свободна априори, что и подчеркнуто отказом от Толстого, т. е. от великого наследия классической русской литературы.

В том же ключе изображен Толстой в рассказе «Судьба жены профессора», написанном в том же, что и «Сон двух черномазых дам», 1936 г. с разницей около месяца.

В рассказе жене профессора так же, как и в предыдущем произведении дамам, во сне является Толстой. Тут же опять фигурирует и ночной горшок. Только теперь он не берется ниоткуда, а находится в руках писателя, который несет показать всему свету его содержимое:

<...> идет к ней навстречу Лев Толстой и в руках ночной горшок держит. Она его спрашивает: «Что же это такое?» А он показывает ей пальцем на горшок и говорит:

— Вот, — говорит, — тут я кое-что наделал, и теперь несу всему свету показать. Пусть, — говорит, — все смотрят.

Стала профессорша тоже смотреть и видит, будто это уже не Толстой, а сарай, а в сарае сидит курица [13, т. 2, с. 105].

И в этом тексте также хорошо прочитывается значимость писателя.

Сарай и курицу отнесем к причудливости сна персонажа. Ночной горшок и его содержимое — к причудливости образного мышления обэриута. Остается главное — встреча не с кем-нибудь, а со Львом Толстым. И это во сне, где присниться может все что угодно, но снится именно Толстой. Еще раз подчеркнем: причудливость образного мышления Хармса связала появление Толстого и содержимое ночного горшка, но основное здесь, конечно, то, что ночной горшок наполнен тем, что Толстой «наделал», и дальнейшие его действия связаны с тем, что он это «несет всему свету показать». Толстовская открытость и откровенность именно так подчеркивается Хармсом. Автор зло иронизирует над ней, но не может не согласиться, что именно этим Толстой и ценен.

Заметим также, что использование приема сна характерно для авангардиста Хармса, время в его произведениях всегда случайно и часто выпадает, разбивает прямую закономерность. Схожесть эпизодов разных произведений (Толстой, ночной горшок) также соответствует обэриутской эстетике, которой свойственен повтор, монтаж, сериальность сюжета.

Эти единичные, но значимые обращения к личности Толстого указывают на утверждение в творчестве Хармса мифологемы «Толстой — великий русский писатель». Образно она реализуется не прямо, а обратной своей стороной, выворачиванием наизнанку знакомых фактов и идей, но при этом ее нарочито комическое (с долей абсурдности) оформление дополнительно подчеркивает значимость писателя для русской литературы и общественной жизни. Этим Хармсу удается по-новому, в запоминающихся образах подчеркнуть трагедию непревзойденной популярности Толстого, интересного для большого количества людей не только своим творчеством и идеями, но и личной жизнью, перипетии которой для большинства являются едва ли не важнее литературного и духовного наследия писателя.

Образ Толстого, явленного в комической, несвойственной для себя ситуации, возникает в немногословном прозаическом наброске Д. Хармса: «Вот описание комна-

ты, в которой Лев Николаевич Толстой подрался с астрологом А Ф Запрягаевым. Этот астролог предсказал себе слепоту» [13, т. 4, с. 249]. (Инициалы Запрягаева у Хармса без точек, но это для него типично.)

Обычное для Хармса создание абсурдной на первый взгляд ситуации, тем не менее дает пищу читателю для образных представлений и ассоциаций. По восприятию текста, авторское отношение к Толстому, как и к астрологу Запрягаеву, иронично-негативное. Толстой поставлен в несвойственную ему ситуацию драки. Толстовское непотворение злу здесь намеренно пародируется, но при этом, несомненно, (и опять наоборот, перелицовано) реализуется мифологема о Толстом-непотворенце (который по факту таковым не является, а потому является обманщиком). Причем для автора Толстой и Запрягаев не столько враги между собой, сколько враги новому миру, т. е. и великий писатель, и знаменитый астролог — явления одного ряда. Поскольку в сознании обэриута Толстой прежде всего идеолог, основатель толстовства, с которым еще недавно (в конце 1920-х, после толстовского юбилея, в то время, когда и началась активная деятельность ОБЭРИУ) коммунистическая партия и советское правительство вели активную идеологическую борьбу, окончившуюся арестами лидеров толстовства. А В. Н. Запрягаев (обратим внимание, что инициалы не А. Ф., как у Хармса в записи, а именно В. Н.!) — популярный астролог и, следовательно, тоже идеолог — идеолог эзотеризма, т. е. мистицизма — чуждого советской действительности общественного явления. Поэтому и Толстой, и Запрягаев никак не могут быть положительными персонажами, поскольку являются носителями враждебных новому миру идей.

Правда, по описанию ситуации можно думать, что предпочтение Хармс отдает все-таки Толстому: писатель и назван по имени-отчеству, да и астролог, как известно по тексту, скоро ослепнет, а Толстой останется зрячим (т. е. реалистического видения мира не потеряет). К тому же позволим себе еще одну смелую догадку (именно догадку, которую ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно), делающую Запрягаева идеологически более чуждым, чем Толстой. Настоящие инициалы астролога, как мы уже отмечали, В. Н., но Хармс почему-то пишет — А. Ф. Предполагаем, что подлинные инициалы Запрягаева ему были известны, поскольку книги эзотерика были очень популярны. Тогда почему А. Ф.? Ответ, как представляется, здесь прозрачен: эти инициалы носили получившие во время и сразу после революционных событий скандальную известность — последняя русская императрица Александра Федоровна и последний премьер Временного правительства А. Ф. Керенский, которые к тому же оказались особенно тесно и одновременно гротескно связанными после поэмы В. В. Маяковского «Хорошо!» (1927), которая к 1936 г. была уже классическим и хрестоматийным произведением:

Царям
дворец
 построил Растрелли.
Цари рождались,
жили,
 старели.
Дворец
 не думал
 о вертявлом постреле,
не гадал,
 что в кровати,
 царицам вверенной,

раскинется
какой-то
присяжный поверенный.
(курсив наш. — В. К.) [9, с. 240]

К тому же последняя императрица, рядом с которой в сознании советских людей маячила фигура Григория Распутина, в воспринимающем сознании была тесно связана с мистицизмом.

В завершение разговора об этом следует добавить, что в данном прозаическом наброске акцент сделан не на самой драке (и в этом мы видим также иронически-негативное отношение и к Толстому, и к Запругаеву), а описание комнаты, в которой все это произошло, пространство для Хармса оказывается значительнее, нежели личности и событие.

В записных книжках Хармса находим также словосочетание-неологизм «лев-толстовских размеров», в котором, несомненно, реализуется мифологема «масштабность личности великого русского писателя Толстого» (см., например: [12, с. 151, 445]).

В творчестве другого обэриута Н. Заболоцкого толстовский миф появляется только в автобиографической прозе, в тех случаях, когда автор передает отношение к Толстому; причем в 1921 г. он воспринимает Толстого в качестве абсолютно чуждого себе, а в 1940-м уже пишет противоположное — «Как я люблю Толстого!» [3, с. 27]. В зрелом творчестве нередко Заболоцкий использует текст «Войны и мира» для эпиграфов (конкретно образ княжны Марьи, ее портрет в стихотворениях «Последняя любовь», «Две встречи» [4, с. 286, 430]), т. е. традиционно классически. Кроме того, поэт аллюзивно обращается к образам Толстого, но не к его личности, т. е. речь здесь может идти об интертекстуальности, но не о биографическом мифе.

Еще один обэриут К. Вагинов использует, хоть и мимоходом, мифологему опрощения Толстого. Герои его «Бомбочады» рассуждают о культурном значении картинок папиросных коробок или фантиков от конфет: «<...> между тем в них проявляется и народная эстетика, и вообще эта область человеческого духа не менее богата, чем всякая другая: здесь и политика, и история, и иконография. Вот, скажем, Толстой в лаптях. Как бы мы ни подходили к жизни, все дороги ведут в Рим» [1, с. 379]. Источником иллюстрации стала знаменитая в советскую эпоху и активно распространяемая картина Г. Мясоедова «Сеятель», как раз и растиражированная по открыткам и фантикам, где Толстой изображен в лаптях, которые он в реальной жизни не носил, но в воспринимающем сознании максимально опрощенный Толстой должен был быть именно таким. Это соответствует самому жанру бомбочады как картинам сценок из обывательской жизни.

Подобные реализации толстовского мифа мы можем видеть и у наследников ОБЭРИУ — Вс. Некрасова и Г. Сапгира. Мифологема «Лев Толстой-философ» интерпретируется в поэме Г. Сапгира «Старики». Толстой вместе с другими великими философами существует во времени и пространстве в виде неких бесплотных прозрачных теней, растворившихся во времени и пространстве:

Девочка — подбежала
бросила песком в Льва Толстого
песок —
сквозь тело
упал на песок.

[10, с. 9]

И, несмотря на изображаемый поэтом бессмысленный спор этих философов, они, по авторскому замыслу, нужны для того, чтобы успокоить, обнять людей, разъяснить и объяснить им смысл жизни и смерти. Толстой произносит фразу: «Истина внутри нас», Сапгир изменяет известную цитату Толстого «Царство Божие внутри нас», скорее всего самоцензурируя текст в 1963 г. в связи с идеологической ситуацией (в отличие от стихотворений «Икона», «Армагеддон» и др., появившихся после 1987 г.).

Обэриуты, таким образом, интересны тем, что толстовский текст в их творчестве хоть и минимален, но есть и по-новому звучит. В нем можно увидеть традиции близкого футуристического подхода. И в то же время обращение к фигуре Толстого у обэриутов еще более свободное, благодаря чему толстовский миф, порождающий данный текст, складывается нетрадиционно и, более того, путем отрицания прежде сложенных мифов, что тем не менее (и в этом очевидный логический парадокс) прежние мифы не отрицает, а только подтверждает и еще более утверждает. Вполне традиционно прочитывается у них и мифологизированное представление «Толстой — великий русский писатель», и мифологема «опрощение Толстого». Толстовский миф интерпретируется в творчестве обэриутов согласно их собственной философии об алогичности мира, противоречивости мироздания, парадоксальности. Их задача имеет пародийный характер, используются не только и не столько факты биографии Толстого, сколько мифологизированные представления о писателе, живущие в массовом сознании.

У обэриутов реализация биографического толстовского мифа зримо разделяет тексты на две неравные разновекторные группы, имеющие противоположную направленность — сакральную и профанную. В первом случае в основу текста положены мифологемы, связанные с героизацией, канонизацией Л. Н. Толстого, во втором случае происходит ремифологизация. Если в творчестве, например, Н. Заболоцкого мы видим канонизирующий вектор, то Д. Хармс достигает апогея профанного мифа. В этом абсурдном мире все стереотипные константные представления оказываются с другим знаком, плюс меняется на минус. Этот профанный Толстой несет ночной горшок, наполненный нечистотами пополам с русской литературой. А все потому, что эстетика представителей реального искусства требует очищения литературы от стереотипов, штампов и пр. Это свержение стереотипов приводит к ремифологизации, что в свою очередь влечет за собой профанирование и великой русской литературы, и великих русских писателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Вагинов К. К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада К. К. Вагинов / сост. А. Вагинова; подгот. текста, вступит. статья Т. Никольская. М.: Худож. лит., 1989. 477 с.
- 2 Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М.: Русские словари, 1997. 174 с.
- 3 Заболоцкий Н. А. История моего заключения / сост. и автор предисл. Л. А. Озеров. М.: Правда, 1991. 48 с.
- 4 Заболоцкий Н. А. Собр. соч.: в 3 т. / предисл. Н. Степанова; примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина. М.: Худож. лит., 1983. Т. 1: Столбцы и поэмы 1926–1933; Стихотворения 1932–1958; Стихотворения разных лет; Проза. 655 с.
- 5 Курьянов С. О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М.: Инфра-М, 2019. 312 с.

- 6 Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Научный диалог. 2019. № 1. С. 179–194.
- 7 Курьянова В. В. Толстовский миф в творчестве В. В. Маяковского // Litera. 2018. № 4. С. 152–167.
- 8 Мароши В. В. К генезису нарратива абсурда: Л. Н. Толстой и Д. Хармс // Даниил Хармс. 1905–1942. URL: <http://www.d-harms.ru/library/k-genezisu-narrativa-absurda-tolstoy-i-harms.html> (дата обращения: 19.04.2020).
- 9 Маяковский В. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 8. 460 с.
- 10 Сапгир Г. Избранные стихи. М.; Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1993. 256 с.
- 11 Туфанов А. К зауми: Фоническая музыка и функции согласных фонем. [Б.м.]: Salamandra P.V.V., 2012. 81 с.
- 12 Хармс Д. Записные книжки. Дневник. СПб.: Академический проект, 2002. Кн. 1. 480 с.
- 13 Хармс Д. Полн. собр. соч.: в 3 т. / вступит. статья, подгот. текста и примеч. В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997. Т. 1. 351 с. Т. 2. 504 с. Т. 4. 320 с.

© 2020. Valeria V. Kuryanova
Simferopol, Russia

TOLSTOYAN TEXT IN THE WORKS BY POETS-OBERIUTS

Abstract: The paper looks at the issues of revealing and analyzing the Tolstoyan text in the works of the creative group of poets “OBERIU”. The novelty of the research stems from the fact that the study of supertext structures in modern literary criticism is primarily focused on topographical texts while nominal texts (Pushkinian, Gogolean, Chekhovian) are understudied, and the methodology of their study is not sufficiently clear. The paper argues that the actual basis of the Tolstoyan text is the myth of L. N. Tolstoy. The author explores the structure of the Tolstoyan myth in the works of D. Kharms, N. Zabolotsky, K. Vaginov and others and identifies mythologemes (mythologized constant representations) created and reproduced by poets. For this purpose the paper addresses poems and prose by oberiuts and their followers. In the works of Kharms the myth of Leo Tolstoy is radically profane, while the works of Zabolotsky imply the canonizing vector, whereas K. Vaginov is primarily interested in the mythology of the Tolstoyan simple living. Ергы it can be seen that Tolstoyan text of the works by this group of poets is based on the biographical myth of the sacral and demythologizing directions.

Keywords: supertext, Tolstoy text, the myth of L. N. Tolstoy, Russian literature of the 20th century, OBERIU, D. Harms, N. Zabolotsky, K. Vaginov.

Information about the author: Valeriya V. Kuryanova — PhD in Philology, Associate Professor, Tavricheskaya Academy of V. I. Vernadsky Crimea Federal University, Vernadsky St., 4, 295007 Simferopol, Republic of Crimea. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-1926>. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

Received: June 20, 2019

Date of publication: September 28, 2020

For citation: Kuryanova V. V. Tolstoyan text in the works by poets-oberiuts. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 160–169. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-160-169>

REFERENCES

- 1 Vaginov K. K. *Kozlinaia pesn'; Trudy i dni Svistonova; Bambochada K. K. Vaginov* [Kozlinaya pesnya; Svistonov's Works and days; Bambochada K. K. Vaginov], collected by A. Vaginova; preparation of the text, introductory article by T. Nikol'skaia. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1989. 477 p. (In Russian)
- 2 Vinokur G. O. *Biografiia i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 174 p. (In Russian)
- 3 Zabolotskii N. A. *Istoriia moego zakliucheniiia* [History of my confinement], compiled and author of the preface L. A. Ozerov. Moscow, Pravda Publ., 1991. 48 p. (In Russian)
- 4 Zabolotskii N. A. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.], preface by N. Stepanova; notes by E. Zabolotskoi, L. Shubina. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1983. Vol. 1: Stolbtsy i poetry 1926–1933; Stikhotvoreniia 1932–1958; Stikhotvoreniia raznykh let; Proza [Columns and poems 1926–1933; Poems 1932–1958; Poems of different years; Prose]. 655 p. (In Russian)
- 5 Kur'ianov S. O. *“Tainyi kliuch russkoi literatury”: formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoi literature X–XIX vekov* [“Russian literature's secret key”: the formation and formation of the Crimean text in Russian literature of the 10–19th centuries]. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 312 p. (In Russian)
- 6 Kur'ianova V. V. Tolstovskii tekst i mif o L. N. Tolstom v tvorchestve I. Il'fa i E. Petrova [Tolstoyan text and the myth of L. N. Tolstoy in the works of I. Il'f and E. Petrov]. *Nauchnyi dialog*, 2019, no 1, pp. 179–194. (In Russian)
- 7 Kur'ianova V. V. Tolstovskii mif v tvorchestve V. V. Maiakovskogo [Tolstoy's myth in the works of V. V. Mayakovsky]. *Litera*, 2018, no 4, pp. 152–167. (In Russian)
- 8 Maroshi V. V. K genezisu narrativa absurda: L. N. Tolstoi i D. Kharms [To the Genesis of the absurd narrative: L. N. Tolstoy and D. Harms]. In: *Daniil Kharms. 1905–1942*. Available at: <http://www.d-harms.ru/library/k-genezisu-narrativa-absurda-tolstoy-i-harms.html> (accessed 19 April 2020). (In Russian)
- 9 Maiakovskii V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1958. Vol. 8. 460 p. (In Russian)
- 10 Sapgir G. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Moscow, Paris, New York, Tret'ia volna Publ., 1993. 256 p. (In Russian)
- 11 Tufanov A. *K zaumi: Fonicheskaia muzyka i funktsii soglasnykh fonem* [To sophistry: PHONIC music and functions of consonantal phonemes]. Salamandra P.V.V. Publ., 2012. 81 p. (In Russian)
- 12 Kharms D. *Zapisnye knizhki. Dnevnik* [Notebook. Diary]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002. Book 1. 480 p. (In Russian)
- 13 Kharms D. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [Complete works: in 3 vols.], introductory article, text preparation and notes by V. N. Sazhin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. Vol. 1. 351 p. Vol. 2. 504 p. Vol. 4. 320 p. (In Russian)